

Завтра — выборы народных депутатов СССР

«...поддерживайте
на выборах
в народные
депутаты СССР
активных
сторонников
перемен,
мыслящих
и действующих
по-государственному,
смело,
ответственно
и масштабно!»

Из Обращения Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза «К партии, советскому народу».

ОТДАДИМ ГОЛОСА САМЫМ ДОСТОЙНЫМ

Приближается к завершению первая избирательная кампания эпохи перестройки. Она стала для каждого из нас большой и почетной школой демократии, по ней сверяют люди свои надежды и чаяния на обновление общества, на восстановление ленинских традиций в работе Советов, на успех дела перестройки. Подводить итоги еще рано, но уже сегодня можно с уверенностью сказать, что нынешние выборы никого не оставили равнодушными, вовлекли в предвыборные дискуссии миллионы людей, изменили гражданский облик самого избирателя. С первых дней не по форме, а по существу избирательная кампания находится в центре общественно-политической жизни страны и республики. Демократические принципы, заложенные в основу нового выборного законодательства, сознательное, заинтересованное отношение людей к выборам, впервые за последние годы позволяют практически каждому избирателю сделать выбор из нескольких достойных альтернативных кандидатур.

«Кто у вас доверенные лица, и почему именно на них падает выбор?»
— Педагог Татьяна Николаевна Горовых, офицеры Виталий Иванович Микора, Эдуард Александрович Ильященко, другие товарищи. К этим людям у меня доверие: они трудолюбивы, честны, совестливы, бескорыстны, активны в общественной работе, способны и сопереживанию. А с такими людьми работать всегда легко.
Из интервью с генерал-лейтенантом авиации, командующим ВВС Туркестанского военного округа В. Г. Шанакиным. (Газета «Фрунзевец» от 24.02.89 г.).

Татьяна Горовых: ПЕДАГОГ В КОМАНДЕ ГЕНЕРАЛА

О СЕБЕ? Может быть, лучше о Владимире Геннадьевиче? Ведь он кандидат в народные депутаты СССР, а я — лишь его доверенное лицо. Одна из десяти человек...
— Татьяна Николаевна и все же, если не возражаете, сначала о вас...
— Хорошо. После окончания Киргизского государственного университета работала в школе, позже — в Чалпантинском горисполкоме. В 1983 году переехала в Ташкент — мой муж ташкентец. В 204-й школе начала преподавать английский язык, но пригласили в оркестр Хамзинского райисполкома и я согласилась — дело знакомое. В декабре прошлого года вернулась в школу: дочурка подрастает — хочется ей побольше внимания уделять. Да и потом, честно говоря, школа всегда тянула назад. Сейчас работаю в 225-й, у меня — 4—10-е классы.
— Какой возраст школьников вам ближе: с кем интереснее работать?
— Интересен и близок любой возраст. Малыши привлекают любознательностью, тягой к новому, незнакомому; возраст старшекласников — становлением личности, формированием своего «я», в чем-то дерзкого, в чем-то наивного. Но интересны, безусловно, все дети, хотя с одними очень легко, к другим нужен особый подход. Так ведь и люди все разные.
Я четыре года наблюдала за работой В. Г. Шанакина как депутата Верховного Совета Узбекской ССР; по долгу службы присутствовала на всех приемах граждан, которые он проводил. Разные приходили люди, самые неожиданные вопросы ставили перед депутатом, порой в резкой форме, но со всеми Владимир Геннадьевич находил общий язык, для каждого у него было свое слово.
Депутатский мандат для него — серьезная, целенаправленная работа, это повышенная ответственность перед избирателями. Я не помню случая, чтобы Владимир Геннадьевич не провел прием граждан в положенный день и час. Хотя совсем не трудно представить, сколько напряжения у него было, когда он берет ответственность на себя.
Рядом с таким кандидатом

команда доверенных лиц не могла быть «не в форме». Под занавес избирательной кампании возрос поток заявок на встречи. Мы ежедневно бывали в 2—3 коллективах, состоялись встречи и в школах №№ 255, 154 Хамзинского района, имени 14 туркестанских комиссаров Ленинского района. Ни одна встреча не прошла без присутствия Шанакина.
«Избирательная кампания — это не только работа, это и творчество, это и искусство. Нужно уметь выслушать, понять, услышать, ответить, объяснить, разъяснить, убедить. За доверие приходится бороться. И это, честно говоря, радует, потому что является свидетельством не только преобразований, происходящих в стране, развивающейся, но и того, что люди хотят быть настоящими хозяевами земли, на которой живут, они озабочены судьбой своей страны. По этому поводу мне вспоминается один эпизод окружного предвыборного собрания. Седой аксакал говорил кандидатам: «Их было четырнадцать: «Вики, что почти все вы с депутатскими значками. Не надо обещаний, что будет, расскажите, что сделали, чем людям помогли».
Кое-кто смущался. Видно, подзабыли, что уже однажды говорили перед избирателями правильные слова, да с тем и остались. А у депутата Шанакина — много добрых дел на счету. Достаточно Ташкентскую парфюмерию — косметическую фабрику вспомнить, у которой Ташгорисполком пытался дом, отстроенный за деньги предпринимателя, изъять из жилого фонда. 50 процентов квартир удалось вернуть.
Или случай с работницей школы № 61 Ташдизбаевой. На каждого члена ее многодетной семьи и 2 квадратных метров не приходилось. Так ее не ставили в очередь остро нуждающихся лишь потому, что жила она в «ведомственном доме ТАПОИЧ». Администрация предприятия не своею работнику улучшить жилищные условия не стала. Сколько ни билась женщина, в какие ворота ни стучалась, все безрезультатно, пока однажды не пришла на прием к Шанакину. Сейчас у Ташдизбаевой — новая квартира.
Татьяна Николаевна, завтра день выборов, есть надежда на успех!
— Мы все в это верим!

Беседу вел
М. МАЙСКАЯ.

положение — еще одно убедительное подтверждение гласности и открытости выборов.
Голосуя 26 марта за народных кандидатов, вы будете голосовать за перестройку, за утверждение демократических основ нашей жизни, за всенародное доверие к завтрашним органам власти.

ОБРАЗЕЦ НАМУНА СССР халқ депутатлари сайлаш бўйича Сайлов бюллетени Избирательный бюллетень

по выборам народного депутата СССР
1989 жыл 26 март
26 марта 1989 г.
Самарканд обasti
180-Қорадар территориал сайлов округи
Карадаринский территориальный избирательный округ № 180
Самаркандской области
Сиз қарши овоз берадиган депутатликка номзодларнинг фамилияларини ўқинг.
Вычеркните фамилии кандидатов в депутаты, против которых голосуете.
Депутатликка номзодлар: Кандидатлар: Урган район «Правда» совхози бригада бошлиғи, ўрамас қишлоғида яшайди. Бригадир совхоза «Правда» Урганского района. Проживает в кишлаке Урамас.
ТАЛИПОВ Хайдар

Самарканд район «Ой тўй» колхози бригада бошлиғи, Қўрғонча қишлоғида яшайди. Бригадир колхоза «Ой тўй» Самаркандского района, проживает в кишлаке Курганча.
Овоз бериш чоғида биттадан ортиқ номзод қолдирилган сайлов бюллетени ҳақини эътибор қилиш керак.
Избирательный бюллетень, в котором при голосовании оставлено более одного кандидата, признается недействительным.

Чествование ветерана

Восемнадцатилетний юношей вступил И. С. Секретарев в ряды Коммунистической партии большевиков. С того дня минуло семьдесят лет. За плечами политическая работа в Советской Армии в годы ее становления, участие в Великой Отечественной войне, послевоенное мирное строительство. Многими орденами и медалями, другими государственными наградами отмечена Родина его ратный и мирный труд. И сейчас, несмотря на возраст, Иван Сергеевич активно участвует в общественной жизни, являясь заместителем председателя комиссии по работе среди молодежи Ташкентского городского совета ветеранов войны и труда. Постоянно посещает школы, увлеченно рассказывает о тех далеких для сегодняшних юношей и девушек годах становления и развития Страны Советов.
В Узбекистане республиканском совете ветеранов войны и труда 22 марта состоялось чествование И. С. Секретарева в связи с семидесятилетием пребывания его в рядах КПСС.
В торжественном мероприятии принял участие Председатель Верховного Совета Узбекской ССР, председатель Узбекского республиканского совета ветеранов войны и труда Р. Г. Гуламов. (УзТАГ).

В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ЦК КОМПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА

Идеологическая комиссия ЦК Компартии Узбекистана утвердила состав рабочих групп по изучению языковых проблем и проблемам возрождения народных праздников и обрядов.

Рабочая группа по изучению языковых проблем Идеологической комиссии ЦК Компартии Узбекистана

Юсупов Эркин — член-корреспондент АН СССР, вице-президент АН УзССР, председатель Комиссии Верховного Совета Узбекской ССР по вопросам межнациональных отношений и интернациональному воспитанию, председатель Асфандияров Ильгиз Усманович — руководитель кафедры языков ТВПШ, доктор филологических наук, профессор Бельдиян Валерий Михайлович — зав. кафедрой русского языка в национальной школе РПИЯЛ
Зинин Сергей Иванович — зав. отделом Института языка и литературы АН УзССР
Камалов Мамбет — зав. кафедрой каракалпакского языка и литературы Нукусского государственного университета им. Шевченко, доктор филологических наук, профессор
Каюмов Азиз Пулатович — директор Института рукописей, доктор филологических наук, профессор
Кенжабаев Мирза — поэт Кукартаев Иристон — декан факультета узбекской филологии ТашГУ, доктор филологических наук, профессор
Ли Нахиджа Николаевна — зав. секцией корейского языка ТПИ
Макмудов Низамитдин — зав. кафедрой Ташгоспединститута, доктор филологических наук, профессор
Миркуров Насрулло Мирсултанович — директор республиканского методического центра Министерства народного образования
Меметов Айдер — зав. кафедрой Ташгоспединститута
Умарходжаев Мухтар Ишанходжаевич — ректор Андижанского государственного педагогического института языков, доктор филологических наук, профессор
Шарипов Насретдин — зав. кафедрой таджикского языка Самаркандского университета, доктор филологических наук, профессор
Шукуров Нуритдин — декан факультета узбекской и таджикской филологии «СамГУ», доктор филологических наук, профессор
Шукуров Шукуралло Насруллаевич — зав. кафедрой истории КПСС РПИЯЛ, доктор исторических наук
Исмаилов Лев Иванович — и. о. профессора Ташгоспединститута

Рабочая группа по проблемам возрождения народных праздников и обрядов Идеологической комиссии ЦК Компартии Узбекистана

Умарбеков Ульмас Рахмиевич — член ЦК Компартии Узбекистана, министр культуры Узбекской ССР, председатель Абдуллаев Рустам — композитор, секретарь правления Союза композиторов Узбекистана
Азимов Усман — писатель, ответственный секретарь Ташкентского отделения Союза писателей Узбекистана
Алламуратов Агинбай — зав. сектором прикладного искусства НИИ истории, языка и литературы им. Давкареева Каракалпакского филиала АН УзССР
Арипов Абдулла — поэт, секретарь правления Союза писателей Узбекистана
Гамбаров Нам Явхачевич — кандидат в члены ЦК Компартии Узбекистана, председатель Гостелерадио Узбекской ССР
Жалалов Гайрат Арипович — доктор филологических наук, зав. кафедрой Ташкентского государственного института культуры
Кадиоров Пиримкул — народный писатель Узбекистана
Кароматов Файзулла Музафарович — доктор искусствovedения, зав. сектором Института искусствознания им. Хамзы Министрства культуры Узбекской ССР
Арипов Абдулла — поэт, секретарь правления Союза писателей Узбекистана
Гамбаров Нам Явхачевич — кандидат в члены ЦК Компартии Узбекистана, председатель Гостелерадио Узбекской ССР
Жалалов Гайрат Арипович — доктор филологических наук, зав. кафедрой Ташкентского государственного института культуры
Кадиоров Пиримкул — народный писатель Узбекистана
Кароматов Файзулла Музафарович — доктор искусствovedения, зав. сектором Института искусствознания им. Хамзы Министрства культуры Узбекской ССР
Арипов Абдулла — поэт, секретарь правления Союза писателей Узбекистана
Гамбаров Нам Явхачевич — кандидат в члены ЦК Компартии Узбекистана, председатель Гостелерадио Узбекской ССР
Жалалов Гайрат Арипович — доктор филологических наук, зав. кафедрой Ташкентского государственного института культуры
Кадиоров Пиримкул — народный писатель Узбекистана
Кароматов Файзулла Музафарович — доктор искусствovedения, зав. сектором Института искусствознания им. Хамзы Министрства культуры Узбекской ССР

ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ

ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ событием минувшей недели является проведение в Бухаре на базе местного пединститута выездной сессии научного совета по проблемам патристического и интернационального воспитания при президиуме АПН СССР. В работе сессии приняли участие ведущие ученые, практики Москвы, других городов Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Киргизии, Молдавии, Дагестана, Узбекистана. Столь широкое представительство участников способствовало плодотворной работе сессии, позволило выявить определенные закономерности в развитии межнациональных отношений. Помимо участия в работе сессии, гости ознакомились с учебно-воспитательным процессом в ряде учебных заведений Кеганского района, посетили школы №№ 7, 16 Бухары, побывали на торжествах по случаю юбилея Хамзы в школе № 17, носившей его имя. Побывали гости и в Гиндуванском Дворце пионеров. Они также осмотрели достопримечательности Бухары, встретились с профессорско-преподавательским составом и студентами выпускных курсов БГПИ. В работе сессии принял участие секретарь Бухарского обкома Компартии Узбекистана Ю. С. Саиджанов. И. АЛИШЕВ, кандидат педагогических наук.

Перестройка преподавания общественных наук: грани проблемы

ним-
чес-
до-
дон-
Раз-
дук-
тре-
—
Ру-
шно
тан-
ког-

нем
пор
оже,
отпа-
шко-

В,

Ступня «ИДЕЖДА»

УЧИТЕЛЬ УЗБЕКИСТАНА
341

Зинаида ГИППИУС

Сообщники

Ты думаешь, Голгофа миновала,
При Понтии Пилате пробил час,
И жизнь уже с тех пор не повторяла
То, что было — единый раз!
Иль ты забыл? Недавно мы с тобою
По площади бежали второпях,
К судилищу, где даве пред толпою
Стояли на асыках ступнях.
И спрашивал один, и сомневался,
Другой молчал, — как и в былые дни.
Ты все вперед, к ступням порывался...
Кричали мы: Распни его, распни!
Шел в гору Он — ты поминишь, без
сандалий...
И ждал Его народ из ближних мест.
С молчащего мы там одежды сняли
И на веревках подняли на крест.
Ты, помню, был на лестнице, направо...
К ладони узкой я приставил гвоздь.
Ты ступил молотком по шляпке ржавой, —
И ахнул острое, не тронул кость.
Мы о хитоне спорили с тобою,
В стороне сидя, у костра, вдвоем...
Не на тебя ли попала кровь за водою,
Когда ударил я Его копьём?
И не с тобою ли у двери гроба
Мы тело сторожили по ночам?
Вчера, и завтра, и до века, оба —
Мы повторим казнь — Ему и нам.

ПАДАЮЩИЕ
ЛИНИИ

Рождающиеся в года глухих
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет
России —

Забыв на в силах никуда,
— так начинается стихотворение
Александра Блока; оно дати-
ровано 8 сентября 1914 года
и посвящено Зинаиде Нико-
лаевне Гиппиус. Стихотворение
известно, Блок в школе «про-
ходит», но что это — З. Н.
Гиппиус, к которой обращал-
ся поэт?

Ее имя было вычеркнуто из
списка «благонадежной» лите-
ратуры, быть может, более
ярко, чем имена других не-
угодных, «идеологически вра-
ждебных». Объясняется это так:
Гиппиус встретила Октябрь-
скую революцию крайне враж-
дебно и, эмигрировав в 1920-м,
до конца жизни оставалась
непримиримой к Советской
России. И только сегодня, ко-
гда мы всеми силами пытаемся
сблизиться с отечественной куль-
турой, Гиппиус становится
важным поэтом. Стихи ее
публиковались в 1920-м, а
в 1918 году в Петрограде
вышла книга З. Гиппиус
«Послание стихам», много
говоря, политически далеко не
нейтральная. Ответом на ре-
зультаты этой книги были ре-
цензии, не аргументы, но стихи
Александра Блока. «Женщина,
безумная гордыня». Прочти,
те и увидишь — достойный от-
вет, хороший. Но в лавине для
нас сегодняшних — оспорила
поэта собор — поэт же — стихи-
м же.

Здравый смысл диктует: та-
лант не зависит от убеждений;
лишь читателей талантливых
стихов по причине «не таких»
убеждений их автора — ванда-
лизм.

Итак, Зинаида Гиппиус
(1869—1945). Она принадлежала
к старшему поколению рос-
сийских символистов. Впервые
ее стихи появились в «Савер-
ном вестнике» в 1888 году. Зи-
наида Николаевна писала и
прозу, и литературно-критиче-
ские статьи, последним Антоном
Крайним. Ее книга «Но-
вые люди», в которую вошли
стихотворения и рассказы,
издавалась дважды: в 1896
году и в 1907-м. В 1908
году вышел сборник ее статей
«Литературный дневник. 1895—
1907». Ириния Одоевцева вспо-
минает, что литераторы бо-
льшие Антона Крайнего не мень-
ше, чем самого мэтра Брюсова.

Рассказывали, что Гиппиус
выходила на сцену в белом
хитоне с распущенными длин-
ными рыжими волосами, дер-
жа лилию в руках, и молит-
венно произносила: «Я сам
себя люблю, как Бога» (истин-
но в стихах она чаще всего гово-
рила от своего имени в муж-
ском роде); ходила слухи, что
Гиппиус отбирает у своих по-
клонников обручальные кольца
и нанизывает их на цепочку;
и был еще скандально знаме-
нитый портрет Баста — Гип-
пиус в черном трико, шоки-
рующий всех в те далекие го-
ды...

Троцкий писал о ней: «Я не
верю в существование нечи-
стот, не верю в черт, не верю
в ведьм. Впрочем, все-таки
в существование ведьм верю,
— вспоминал Зинаиду Гиппиус»;
Васильев писал: «Вам, Зинаида,
найдя Петя, плескается у ир-
ландских скал»; Максимович
Волочин в статье «Голоса по-
этов»: «Голос Зинаиды Гиппиус
— стелющийся, чистый, ислет-
ливый и колыхающийся».

Сказать о Гиппиус «яркая,
неординарная, — противоречи-
вая личность» — значит не
сказать ничего. Версифика-
ционные, индивидуально-лите-
ратурные недостатки ее при-
тягивали современников (мно-
го, конечно, не меньше, чем достои-
нства. В Париже молодые (от-
носительно) представители
русской эмиграции восприим-
чиво воспринимали Зинаиду
Николаевну и ее мужа — всемирно
известного поэта — как
живую легенду... В нашей стра-
не эту легенду вслестили
увеличили. Однако даже в са-
мые худшие времена без сно-
сок с Гиппиус не было, не мо-
гло обойтись ни одно издание
о Блоке, Брюсове, Врубеле, и
многие другие. И всем, кому
не безразличны судьбы рус-
ской литературы, должно быть
известно: без творчества Гиппиус
есть (литература) история не
может быть полной.

«Возьми ты это Влоковское
«Мы, дети страшных лет Ро-
ссии», и сразу увидишь раз-
личие эпох. Вспомни, как
из героев романа «Доктор Жи-
ваго», — Когда Блок говорил
это, это надо было понимать в
переносном смысле, фигураль-
но. И дети были не дети, а
сыны, детища, интеллигентил,
и страхи были не страхи, а
проявления, апокалип-
тичные, а это разные вещи. А
теперь все переносное стало
буквальным, и дети — дети,
и страхи — страхи, вот в чем
разница».

...И хорошо, что адресату
блосновских строк не пришлось
эту разницу пережить.

ст. ШВЕЙКОВСКИЙ.

Сохранены авторские орфография и пунктуация.

Чужое сердце видеть,
как свое,
Водой бессмертья
утолять их жажду —
И возвращать их
к бытию.

Сияния

Сиянья слов...
Такое есть ли?
Сиянья звезд,
Сиянья облаков —
Я все любил, люблю...
Но если
Мне скажут: вот
сиянья слов —
Отвечу, не боясь
признания,
что даже святости
блаженное сияние
Я за него отдаю готов...
Все за одно сиянье слов!
Сиянья слов! О, повторять
Тебе, мой бедный
человек-поэт,
что говорю я о сиянии
Слова,
что на земле других
сияний нет!

Рай

И я ходил
в петрокомпроде,
Хвостился днями
у крыльца в райком...
Но и востышки
не нашел — свободы
Из райских учреждений
ни в одном.
Не выжить мне,
я чувствую, я знаю,
Без пищи человеческой
в райо:
Все карточки
от Рая открещую
И в напродеком
с почтением отдаю.
* * *
Она не погибнет, — знайте!
Она не погибнет, Россия,
Она всколосится, — верьте!
Поля ее золотые.
И мы не погибнем, —
верьте!
Но что нам наше спасенье:
Россия спасется, — знайте!
И близко ее
воскресенье.

Гризельда

Над озером, высоко,
Где узкое окно,
Гризельда светлокожая
Стучит врату.
В покое отдаленном
И в замке — тишина.
Лишь в озере зеленом
Колыхается волна.
Гризельда не устанет,
Самая бледная лань,
Не выдст, не обманет
Вернейшая из жен.
Неслыханные беды
Она пережилась:
Искан над ней победы
Сам Повелитель Зла.
Любовною отравой,
И дерзостной игрой,
Манил ее он слезой,
Весьлем, красотой...
Ей были искушения
Таинственных утех.
Все радости забвения,
И все, чем сладок грех.
Но сатана смирился,
Гризельда победена.
И враг людской склонился
Пред лучшею из жен.
Чье ныне злое око
Нарушит тишину,
Хоть рыцарь и далеко
Уехал на войну?
Ряд мирных утешений
Гризельде предост:
Обня ее колени,
Кудрявый мальчик спит.
И в сводчатом покое
Святая тишина:
Их двое, только двое —
Ребенок и она.
У ней пыльные косы
И бархатный убор.
За озером — утесы
И цепи волных гор.
Гризельда смотрит в воду,
Нежданно смущена,
И, мнитесь, про свободу
Лепечет ей волна.
Про волю, дерзновение,
И поцелуй, и смех...
Лепечет, что смиреннее
Есть величайший грех.
Прошли былые беды,
О верная жена!
Но радость-то победы
Душа твоя полна!
Все твое ропот прятки,
Не выстает бледный лань...
О доброты жене!
Гризельда победена,
Душа ее светла...
А все-ж какая сила
У Духа твой и злат!
Увы! Твой муж далеко,
И помнит ли жену?
Оно твое высоко,
Душа твоя в плену.
И снова сердце жаждет
Таинственных утех...
Зачем оно так страдает,
Зачем так любит грех?
О, мудрый Сомнамбуля,
Злой Дух, ужели ты —
Непожатый учитель
Великой красоты!

Иди за мной

Полувядающих лилий аромат
Мои мечтания легкие туманит.
Мне лилии о смерти говорят,
О времени, когда меня не станет.
Мир — успокоенный душе мой.
Ничто ее не радует, не ренит.
Не забывай моих последних дней,
Пойми меня, когда меня не станет.
Я знаю, друг, дорога не длинна,
И скоро тело бедное устанет.
Но верую: любовь, как смерть —
Люби меня, когда меня не станет.
Мне чудится таинственный обет,
И ведаю, он сердце не обманет.
Забвения тебе в разлуке нет:
Иди за мной, когда меня не станет.

Ищи меня

Ищи меня в сквозном весеннем свете.
Я весь — как взмах неощутимых крыл,
Я звук, я вздох, я зайчик на паркет,
Я легче зайчика: он — вот, он есть, — был.
Но, вечный друг, меж нами нет разлуки!
Услышь, я здесь, Касаются меня
Твои жаны, трепетные руки,
Простертые в текущий пламень дня.
Помедли так. Закрой, как бы случайно,
Глаза. Еще одно усилие для меня —
И не кончатся точеных пальцев, тайно,
Быть может, аспикну кисточкой огня.

Золото

Иди, вот уже золото кладем в уста
твою, уже мак и мед кладем тебе в
руки...
КРАСИНСКИЙ.

В рот — золото, а в руки — мак и мед;
Последние дары твоих земных забот.
Но пусть не буду я, как римлянин, сожжен:
Хочу в земле вкусить утробный сон,
Хочу весенним златом прорости,
Кружась по древнему, по звездному пути.
В могильном сумраке истлею мак и мед,
Провалится монета в мертвый рот,
Но через много, много темных лет
Прищелк неведомый отроет мой скелет,
И в черном черепе, что заступом разбит,
Тяжелая монета загремит, —
И золото сверкнет среди костей,
Как солнце малое, как след души моей.

Священные
танцы

...Вторая книга стихов Вла-
дислава Фелициановича Хо-
дасевича «Счастливые дни»
появилась на московских
книжных прилавках в 1914 го-
ду. А в 5-м номере журнала
«Аполлон» за тот же год Ни-
колай Гумилев писал:

«Первая книга стихов Вла-
дислава Ходасевича вышла в
1908 году, вторая — в 1914
году. И за шесть лет ему за-
хотелось собрать только трид-
цать пять стихотворений. Та-
кая скудость, однако, выго-
да для поэта. Мы не привыкли
ни к его мечте, ни к его инто-
нациям, он является и не
ожиданный с новыми мите-
ресными словами, и не за-
суживается долго, оставляя
себя приятному неудовлет-
воренности и желанию новой
встречи. Такими были и Тю-
чев, и Анненский, а как их
любил».

Ходасевич имеет право быть
таким милым гостем. Он не
скупен: он до такой степени
не скупен, что даже не пара-
доксально. Когда с ним не со-
гласовались и сочувствовали ему,
то все-таки верши и лобно-
шис. Правда, часто хоте-
лось бы, чтобы он говорил увере-
нее, и жесты его были свобод-
нее. Европеец по любви к
таким красоте, он все-таки
очень славянин по какой-то
особой равнодушной усталости
меланхолической, снотлив-
цизму. Только надежды или
страдания могут взволновать
такую душу, а Ходасевич до-
вольствоваться, и некоторым
высокомерием, отказываясь от
того, и от другого:

Увы, дитя. Душе неутоленной
Не сиңишь ль ты в немыслимом сном?
Не тенью ли приходишь
С букетом роз, инкианной,
С каждым шагом твой зорко
стерегу.
Ты падаешь, ты шепчешь,
и рыдаю.
Но горных слов расслышать
не могу.
И языка твоей интимности
при несколько вллой ритмике и не
всегда выразительной стили-
стике много внимания уделяю
композиции, и это-то и делает
их прекрасными. Внимание чи-
тателя следует за поэтом лег-
ко, словно в плавном танце,
то замирает, то скользит, уг-
лубляется, возносится по ли-
ниям, гармонично закружи-
вающимся и новым для каждого
стихотворения. Поэт не умеет
или не хочет применить асю
тут энергично ритмического дви-
жения идей и образов к сози-
данию храма нового мирооще-
щения, он пока только балет-
мейстер, но танки, которыми
он учит — священные танцы».
(Позже эта глава вошла в
книгу Гумилева «Письма о
русской поэзии», изданную в
Петрограде в 1923 году —
спустя два года после траги-
ческой гибели автора).

...Теперь обратимся к воспо-
минаниям вдовы В. Ф. Ходасе-
вича Нины Николаевны Бербе-
ровой:

«Владислав Фелицианович
Ходасевич родился в Москве
28 мая (нового стиля) 1886 го-
да, окончил 3-ю классическую
гимназию в Московском уни-
верситете (неточность — Хо-
дасевич учился в Московском
университете, а не закончил
его — точность, вследствие об-
стоятельства личной жизни, от-
части из-за болезни (туберку-
лез) — Ред.). Начал печататься
с 1905 года в альманахах и
журналах символизма —
«Гриф», «Золотое руно» и др.
Первую книгу стихов «Моя
душа» выпустил в 1908 го-
ду».

Во время первой мировой
войны он переводил польских,
армянских и еврейских поэтов.
В 1920 г. выпустил третью
книгу стихов — «Путь зван-
ный» (в это же время он был
мемуарным представителем
«Всемирной литературы». В
1922 году после отъезда из
России он опубликовал свои
«Статьи о русской поэзии».
С 1922 года Ходасевич стал
эмигрантом. В этом году была
издана четвертая книга стихов
«Тяжелая лань» (в 1925 го-
да он окончательно поселился
в Париже, где сотрудничал
сначала как литературный кри-
тик в газете «Дни», затем как
критик в газете «Последние
новости», и, наконец, с 1927 г.
— в газете «Возрождение», где
без перерыва, до самой своей
смерти, 14 июня 1939 года, был
редактором литературного от-
дела и видным литературным
критиком зарубежья».

Современному советскому
читателю творчество В. Ф.
Ходасевича почти неизвестно.
Сейчас издательство «Совет-
ский писатель» готовит сбор-
ник его стихов в большой се-
рии «Библиотечка поэта»: в
1988 году в Москве вышла
книга Ходасевича «Дерзавина».
В нашей сегодняшней пуб-
ликация — стихи из сборника
«Путь званый». Мы рады пре-
доставить читателю возмож-
ность познакомиться с про-
зведениями выдающегося
русского поэта до выхода в
свет первой за шесть с лиш-
ним десятков лет отъезда его
стихов.

2-го ноября

Семь дней и семь ночей Москва металась
В огне, в бреду. Но грубый лекарь щедро
Пускал ей кровь — и, обессилев, к утру
Восьмого дня она очнулась. Люди
Повыползли из каменных подвалов
На улицы. Так, переждав ненастье,
На задний двор, к широкой луже, крысы
Опасливо выходят вереницей
И прочь бегут, когда вблизи на камень
Последняя спадает с крыши капля.
К полудню стали собираться кучки.
Глазели на пробоины в домах,
На битые верхушки башен; молча
Толпились у дымящихся развалин
И на стенах следы скользящих пуль
Считали. Длинные хвосты тянулись
У лаков. Проволок обрывы висли
Над улицами. Все стекло
Хрустело под ногами. Желтым оком
Нобльское негротное солнце
Смотрело вниз, на постаревших женщин
И на мужчин небритых. И не кровью,
Но горькой улыбкой пахло это утро.
А между тем, уж из конца в конец
От Пресненской заставы до Рогожской
И с Балчугов в Лефортово, брели,
Теснясь на тротуарах, люди. Шли проводить
Родных, знакомых, близких: живы ли
нет ли!

Иные узавки несли под мышкой
С убогой снуды так а былые годы
На кладбище москов благочестивый
Ходил на Пасхе — красное личико
Съезд на могиле брата или кума.
К моим друзьям в тот день пошел и я.
Узнал, что живы, целы, дети дома,
Чего ж еще хотеть? Побрел домой.
По переулкам ветер, сог залетный,
Гонял сухую пыль, окурки, стружки.
Домов за пять от дома моего,
Сквозь мутное окошко, по привычке
Я заглянул в подвал, где мой знакомый
Живет столар. Необычайным делом
Он занял был. На верстаке, вверх дном,
Ложал продолговатый, узкий ящик
С покатыми боками. Толстой кистью
Водил столар по ящику, и доски
Под кистью багровели. Мой приятель
Заканчивал работу: красный гроб.
Я постучал в окно. Он обернулся.
И шлепнул, сняв, я поклонился низко
Петру Ивановичу, его работе, гробу,
И асей земле, и небу, что в стекле
Лазурью отражалось. И столар
Мне тоже поклонил, пожал плечами
И указал на гроб. И я ушел.
А на дворе у нас, вокруг корзины
С овалной крышечкой, светились дети.
Крича, толкаясь и тесня друга друга.
Сквозь редкие, поломанные прутья
Выглядели перья белые. Но вот —
Протрясно заскрипела, открылась дверца,
И лара голубей, плеща крылами,
Завилась и закружилась: выше, выше,
Над тихую Подмышку, над рекой.
То падал, то подымался, птицы
Нырнули, точно белые ладки
В дали морской. Вслед им дети
Степели, хлопали в ладоши... Лишь один,
Лет четырех бутуз, в ушах шапке,
Присел на камень, растопырил руки,
И вверх смотрел, и тихо улыбался.
Той непостижной мысли, что родится
Под выпуклым, еще беззвонным лбом,
И слушает в себе бешеные сердца,
Данженя соков, речью... Среди Москвы,
Страдания, растерзанной и падающей,
Как идиол маленький, сидел он равнодушный,
С бессмысленной, священной улыбкой.
И мальчику я поклонился тоже,
Как будто поправлял шляпу.

Я выпил чаю, разобрал бумаги,
Что на столе скопились за неделю,
И сел работать. Но, впервые в жизни,
Ни «Моцарт и Сальери», ни «Цыгане»
В тот день моей не утолили жажды.

Полдень

Как на бульваре тихо, ясно, сонно!
Подхвачен ветром, побежал песоч.
И на траву плеснул сыпучим гробом.
Теперь мне либо приходит сюда
И долго так сидеть, полубабынсь.
Мне нравится, почти не глядя, слушать
То смех, то плач детей, то дорожку
За обрубом их баг отчетливый. Прекрасно!
...шум, такой же вечный и правдивый,
Как шум дождя, прибоя или ветра!
Никто меня не знает. Здесь я просто
Прохожий, обыватель, «сосед».
В ирригационном пальто и круглой шляпе,
Ничем не замечательный. Вот рядом
Присела барышня с раскритиченной
Мальчик

С ведром, и совочком примостился
У сапых ног моих. Насупил брови,
Он возится в песне, и в таком огромном
Себе как-то у этого соседства,
Что вспоминаю,
Как сам я сиживал у львиного столпа
В Венеции. Над этой жизнью малой,
Над головой в картузине зеленом,
Я возвышался, как тяжелый камень.
Многовещный, перекинувший много
Людей и царств, предавшегося и геройства.
А мальчик деловито наполняет
Ведрочку песком и, опрокинув, сыплет
Мне на ноги, на башмачки... Прекрасно!
И с легким сердцем я вспоминаю,
Как жарко был венецианский полдень,
Как надо мною реял недвижимо
Крылатый лев с раскрытой книгой в лапах,
А надо львом, кружась, розовые,
Вежливо облачко. А выше, выше —
Темногустая синь, и в ней катились
Незримые и пламенные звезды.
Сейчас они пылают над бульваром,
Над мальчиком и надо мной. Везуно
Лучи их борются с лучами солнца
И падают, обуглившись, на землю —
Извергнутые англы.

А ветер

Все шлеплет песчаными волнами,

Владислав ХОДАСЕВИЧ

Листает книгу барышни. И все, что слышу,
Преобразенное как-то мудрым чудом,
Так полновесно западает в сердце,
Что уж ни слов, ни мыслей мне не надо,
И я смотрю как бы обратным взглядом
В себя.
И так пленительна души князя влага,
Что, как Нарцисс, я с берега земного
Срываюсь и лечу туда, где я один.
В моем родном, первоначальном мире,
Лицом к лицу с собой, потягивая когда-то —
И обретенный вновь... И еле внятно
Мне слышен голос барышни: «Простите,
Который час?»

Дом

Здесь домик был. Недавно разобрали
Верх на дрова. Лишь каменного низа
Остался грубый остоу. Отдыхать
Сюда по вечерам хожу я часто. Небо
И дождевые деревья
Так молодо встанут из-за развалин.
И ясно так рисуются пролеты
Широких окон. Рухнувшая балка
Похона на колонну. Затхлый холод
Идет от груды мусора и щебен.
Засыпанного комнаты, где прежде
Гнездились люди.
Где ссорились, мирились, где в чулке
Замызганные деньги припасались
Про черной день; где в духоте и мраке
Привычные супружеские ласки
Всплывали, и в морю, иль в потоп
В жару болельцы; где рождались люди
И умирали скрытно, — все теперь
Прожоному открыто. О, блажен,
Чья волная нога ступала в бреду
На этот прах, чей посох равнодушный
В покиннутые стены ударяет!
Чертоги ли великого Рамесса,
Подвешенная безвестного лагула —
Для странника равны они: все той же
Он песенною времени утешен;
Рядом с колоннами, торжественно, иль дыры
Дверей вчерашних — путника все так же
Из пустоты одной ведают в другую
Таную же.

Вот лестница с узором
Поломанных перил уходит в небо
И, обрываясь, верхняя площадка
Мне кажется трибуну высокой.
Но нет на ней оратора. А в небе
Уже горит вечерняя звезда.
Водительница городского раздумья,
Да, хорошо ты, иль плохо! Хорошо
Вдохнуть от твоего унылого простора!
К чему тантишь? Сердце человеческое
Играет, как проснувшийся младенец.
Всегда война, иль мир, иль жгучий потоп!
Вдруг налетает и землю сотрясает:
Тут развращаются, как небо, времена, —
И человек душой неутолимой
Воскресает в жолудях пучины.
Как птица в воздухе, как рыба в океане,
Как спольнящий червь в сырых пластах
земли.

Как саламандра в пламени, — так человек
Во времени. Кочевник полудня,
По смене луи, по очеркам созвездий
Уже он сливается с этой бездну
И в писменах неопытных заострит
Собития, как острова на карте.
Но сын отца сменяет. Грады, царства,
Законы, истины, — все сменяется
Ломать и строить — равная усадка!
Он изобрел историю — он счастлив!
И с ужасом и с тайным сладострастием
Следит безумием между минувшим
И будущим, подобно лсной влаге.
Сквозь пальцы уходящей, — непрерывно
Души утекать, иль краплет сердце,
Как легкий влг на мажорную корабельную,
Между воспоминанием и надеждой —
Шей памятку о будущем.

Шуршат шаги. Горбатая старуха
С большим кнутом. Морщинистой рукой
Она со стен сдирает драпир, ленту
Видергазет. Молча глядит. Сидит
И помогает ей, и мы в согласии добром
Работаем для времени. Темнеет,
И за стены встает зеленый месяц,
И слабый свет его, как лавина, летит
По кафелям обвалившейся печи.

1919—1920

Встреча

В час утренний у Санта Маргерита
Я повстречал ее. Она стояла
На острие, стинной к перилам. Пальцы
На сером камне, точно лепестки,
Легко лежали. Сидела, колена
Под белым платком проступали слабо.
Она ждала. Кого? В шестнадцать лет
Кто грезится прекрасной англичанкой.
В Венеции? Не знаю — и не должно
Мне знать того. Не для пустых догадок
Припомнил я сегодня.
Она стояла, залитая солнцем,
Но мягкие плечи панамской шляпы
Касались плеч приподнятых — и тенью
Прохладною лицо покрывали. Синий
И чистый зор лился оттуда, словно
Те воды свежее, что пробегает
По каменному ложу горной речки,
Певучие и быстрые... Тогда-то
Увидел я тот зор невыразимый,
Который всем поэтам суждено
Увидеть раз и после помнить вечно.
На миг один является пред нами
Он на земле, безвозвратно всеялся
В случайные, лазурные глаза.
Не плещут в нем те пламенные бури,
Но высятся в нем те голубые вихри,
Которые потом звучали мне
В сияние солнца, в плеске черных гондол,
В летучей тени голубя и в красной
Струе вина.

И поздним вечером, когда я шел
К себе домой, о том же мне шептали
Певучие шаги венецианки.
И собственный мой шаг казался звонче,
Стремительней и легче. Ах, куда,
Куда в тот миг мое вспорхнуло сердце,
Когда тяжелый ключ с пружинным звоном
Я повернул в замке! И отчего,
Переступив порог сеней холодных,
Я в темноте у каменной цистерны
Стоял так долго? Ощущенью взбирался
По лестнице. Внезапно наступил я
Свое волнение. Но теперь я знаю,
Что крепкого вина в те да я вкушал я —
И чувствовал его в своих устах
Его минутный вкус. А вечный хмель
Пришел потом.

1918.

Стансы

Уж волосы седые на висках
Я прядью черной прикрываю,
И замирает сердце, как в тисках,
От лишнего стакана чаю.
Уж тяжелы мне долгие труды,
И не таит очарованья
Ни знаний, слишком пряные плоды,
Ни женщин душевные лобзания.
С холодною взирю я теперь
На скупую славу претворящей.
Зато слова: цветок, ребенок, зверь —
Приходят на уста все чаще.
Рассеяно я слушаю поэтов
Позтов зрелые брацанья,
Но душу полнит сладкой полнотой
Зерна немое прорастанье.

1918.

Хлебы

Слепящий свет сегодня в кухне нашей!
В переднике, осыпанная мукой,
Всех Сандрилоу и всех Миньон ты краше
Бесхитростной красотой.
Вокруг тебя, заблудившей и зрнмь,
С вазанкой дров, с кувшником молока,
Роняя перья крыл, хлопочут херувимы
Сквозь облака.
Прорвался свет, и по кастрюлям медным
Пучками стрел бьют желтые лучи.
При свете дня подобен розам бледным
Огонь в печи.
И эти струи будущего хлеба
Сливаясь в звонкий глиняный сосуд,
Клянутся ангел нам, что истинны, как небо,
Земля, любовь и труд.

Публикация Ст. Швейковской.

Зам. редактора А. Б. КАРИМОВА